SINICHENKO V.V.

OPENING OF FOREIGN CONSULATES IN SIBERIA AND IN EAST OF THE RUSSIAN EMPIRE IN SECOND HALF XIX – XX CENTURIES. ON DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE OF IRKUTSK REGION

В.В. СИНИЧЕНКО

ОТКРЫТИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ КОНСУЛЬСТВ В СИБИРИ И НА ВОСТОКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX в.

ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Annotation / Аннотация

In article the opening question in Siberia and in the Far East Russia foreign consulates is considered. On the basis of studying of the documents stored in funds of the State archive of the Irkutsk region, it is told about initiatives of foreign businessmen and officials of foreign countries on opening of consulates in region. Process of discussion of a question of creation of foreign consulates in corridors of the Russian administration is considered, the position of a regional link of the Russian authorities on a problem of formation of foreign institutional representation in Siberia and in the Far East Russia is analyzed.

В статье исследуются проблемы открытия в Сибири и на Дальнем Востоке России иностранных консульств. На основе документов, хранящихся в Государственном архиве Иркутской области, рассказывается об инициативах иностранных предпринимателей и официальных лиц зарубежных стран по открытию консульств в регионе. Рассматривается процесс создания иностранных консульств российской администрацией, анализируется позиция регионального звена российских властей по проблеме формирования иностранного институционального представительства в Сибири и на Дальнем востоке России.

Keywords / Ключевые слова

Archive source, consulates, the vice-consul, consulate general, the governor general, the military governor, police department, the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Архив, источник, консульство, вице-консул, генеральное консульство, генерал-губернатор, военный губернатор, департамент полиции, МИД России.

СИНИЧЕНКО Владимир Викторович - профессор Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России, доктор исторических наук, г. Иркутск; 8-950-114-29-44; vova_sinichenko@bk.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Иркутского Межрегионального института общественных наук

До второй половины XIX в. Сибирь и Дальний Восток Российской империи были закрыты для иностранцев. Объяснялось это несколькими причинами. Российские власти ссылались на опасность пути, невозможность обеспечить охрану торговцев, Более того, российским воеводам в Архангельске и Мангазеи (Обская губа) было предписано не допускать иностранных торговцев в Сибирский край. Причина такого поведения российских властей была экономической – из Сибири поступало экспортное сырье России того времени – пушнина. Впоследствии к экономическим мотивам добавились и политические. Сибирь стала местом ссылки и сосредоточения политических преступников, а иностранные государства – не только азиатские – Китай и Япония, но и европейские – Англия, Франция активизировали свою деятельность на Дальнем Востоке. В результате Николай I в 1841 г. в очередной раз подтвердил запрет иностранцам посещать эту часть империи.

Отметим, что с XVII в. до середины XIX в. иностранцы посещали Сибирь только в двух случаях. Во-первых, вступив на российскую государственную службу, во-вторых, в качестве военнопленных; как шведские солдаты времен Северной войны, сосланные в Западную Сибирь; или японские моряки, потерпевшие крушение у русских берегов, местом сосредоточения которых была Восточная Сибирь (Иркутск). Причем, в последнем случае иностранцы пребывали в Сибири без возможности вернуться на родину.

Но вступление России на путь капитализма, втягивание страны в международную систему разделения труда, проникновение иностранного капитала в страну со всей остротой обозначился вопрос об отмене запретов.

29 июня 1860 г. последовал императорский указ об отмене ограничений для иностранцев при посещении Восточной Сибири.

В конце 1860 г. американские предприниматели предложили помимо купеческого дома бостонского купца Бордмана (который обслуживал счета военного губернатора Приморской области в залог от выделяемых российским казначейством денег) создать на русском Дальнем Востоке еще несколько американо-российских банковских домов. Открытие новых банков привлекло бы депозитарный капитал и повысило деловую активность граждан Северо-Американских Соединенных Штатов (САСШ) .

Однако привлечение капиталов из-за рубежа и расширение торговых оборотов России с САСШ было невозможным без введения правовых гарантий иностранным предпринимателям и прежде всего открытия консульств.

Поэтому чрезвычайный посланник САСШ в Петербурге Пиккенс обратился 23 июля 1860 г. в МИД России по делу об учреждении Американского генерального консульства на Амуре.

Предложение представителя дипломатического корпуса САСШ было вежливо отклонено под благовидным предлогом «выяснения обстоятельств касающихся преобразований в крае» .

Вместе с тем А.М. Горчаков запросил Иркутск, бывший в то время административным центром Восточной Сибири и Дальнего Востока, о возможности открытия в городе Николаевске прусского консульства и назначения на должность консула «негоцианта А. Людорфа». Кроме того, по соглашению с МИД, министр финансов России предоставил германскому предпринимателю Штиглицу эксклюзивное право на обеспечение российских войск рядом товаров.

В ответ региональные власти выступили против открытия немецкого консульства на российском Дальнем Востоке. Они заявили, что до разрешения территориального спора с Японией на Дальнем Востоке, открытие европейского консульства создаст угрозу государственной безопасности России в регионе. Помимо желания помешать усилению позиций иностранного капитала в крае, здесь присутствовал и личностный момент.

«Господин Людорф, - доносил 23 июня 1862 г. военный губернатор Приморской области П.В. Казакевич, - уже около пяти лет имеет в Николаевске торговые дела и пользуется двусмысленной репутацией. Общество здешних иностранцев считает его человеком недобросовестным».

Конечно, никакое общественное мнение иностранцев Восточной Сибири Людорфа не осуждало. Напротив, он был назван немецкими представителями человеком, могущим «принести пользу в звании консула». «Недобросовестность» Людорфа как видно из переписки губернатора и генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева выражалась в том, что этот «пронырливый и беспокойный» человек направил в Министерство финансов России и прусскому посланнику в 1860 г. жалобы на П.В. Казакевича и Н.Н. Муравьева, обвинив их в препятствиях немецкой хлебной торговле .

С учетом этих нюансов во взаимоотношениях региональных чиновников и иностранных предпринимателей, занимавшихся морской торговлей, становится понятным нежелание местной администрации предоставить зарубежным купцам (которые к тому же часто жаловались на действия региональных чиновников напрямую в Петербург) каких-либо особых прав.

Впоследствии новый военный губернатор Приморской области контр-адмирал Фуругельм и генерал-губернатор Восточной Сибири генерал-лейтенант М.С. Корсаков рекомендовали бороться с предоставлением иностранным предпринимателям каких либо юридических льгот, в том числе и в виде консульской поддерджки. Предлагалось разрешить присутствие в Николаевске вместо консулов неофициальных коммерческих агентов .

Проблема консульств была поднята в очередной раз в 1875 г. МИД Японии. Тогда, после

заключения Санкт-Петербургского договора 1875 г., передавшего России южную часть Сахалина, а Японии Курильские острова, правительство запросило генерал-губернатора Восточной Сибири о возможности допуска в край японского консульского агента или открытия даже официального консульского отделения. Одновременно с японской инициативой последовал запрос американского и германского правительств относительно открытия в Петропавловске и Владивостоке консульств .

Министерство иностранных дел России уведомило в связи с этим МВД, что учитывая портовый характер городов оно не находит препятствий для появления в них иностранных консульств.

После этого Азиатский департамент МИД связался с генерал-губернатором Восточной Сибири. Тот стоял на прежней позиции региональных чиновников, которая заключалась в недопущении в регион иностранных дипломатических агентов.

Учитывая позицию Иркутска, МИД России разрешил германскому правительству уполномочить гамбургского торговца Людорфа исполнять в регионе обязанности германского коммерческого агента. Людорф был допущен к должности, в которой он и пробыл до 1879 г., пока не покинул край. После допуска немецкого коммерческого агента, 9 июля 1876 г., согласовав вопрос с новыми военными губернаторами, глава края разрешил открыть во Владивостоке японское и американское коммерческие агентства .

В 1881 г., когда российский посланник Вебер обратился в китайский Совет Министров с просьбой о дозволении выезда в Россию рабочим из Чифу, Ли Хунчжан сообщил о своей готовности решить этот вопрос. Со своей стороны он предложил допустить во Владивосток китайского консула, с тем, чтобы тот подчинялся не китайскому посланнику, а лично Ли Хунчжану .

Однако, по мнению генерал-губернатора Восточной Сибири, высказанному в телеграмме в МИД от 9 сентября 1881 г., назначение китайского консула противоречит государственным интересам России, поскольку в условиях наплыва в край китайских мигрантов это поставит власти Восточной Сибири в «невозможное положение» .

12 февраля 1882 г. Азиатский департамент МИД уведомил генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина, что китайский посланник ходатайствует об открытии консульства. 22 февраля 1882 г. генерал-губернатор ответил согласием только на допуск китайского коммерческого агента .

20 октября 1896 г. российское правительство решило допустить Павла Мейера к исполнению обязанностей коммерческого агента Германии на Дальнем Востоке. Мейер сменил Адольфа Даттана .

27 декабря 1895 г. по инициативе французского посольства в Санкт-Петербурге был решен вопрос об учреждении во Владивостоке французского коммерческого агентства .

В 1879 г. японская дипломатия добилась существенного успеха. Япония поддержала в русско-китайском конфликте 1879 г. российскую сторону. Поэтому Александр II, вопреки мнению Приморского военного губернатора, указом от 2 июля 1879 г. соизволил «признать Кобаяси Тан Иги японским вице-консулом в порту Корсаков, на острове Сахалин». Впоследствии этого человека, впервые признанного официальным представителем зарубежной страны, действующим на территории русского Дальнего Востока, сменил Кузе Гуен. С 17 июня 1883 г. он возглавил вице-консульство в Корсаковском порту. 18 января 1894 г. вице-консулом в Корсаковке стал Сузуки.

В начале XX в. Япония постаралось открыть консульство на материке. 24 декабря 1900 г. вместо Футацубаси был назначен агентом во Владивостоке 3-й секретарь миссии Каваками, а Номура Мотонобу сменил на посту вице-консула в Корсаковском порту Сузуки .

6 октября 1901 г. МИД России уведомил Приамурского генерал-губернатора, что японский посланник в Петербурге ходатайствует об открытии во Владивостоке консульства. Свое требование он обуславливает тем, что в городе проживает 5 000 японцев.

С 18 января по 1 февраля 1902 г. во Владивостоке работала особое совещание под председательством военного губернатора Приморской области Чичагова . Совещание признало, нежелательным учреждение во Владивостоке японского консульства по

следующим причинам:

предоставление Японии права иметь во Владивостоке консула повлечет за собой требования других держав, что особенно нежелательно по отношению к Китаю, так как китайское население, численность которого в одном только Владивостоке доходит до 15 000 человек, а во всей области до 40 000, требует особых административно-полицейских мер, которым присутствие консула будет препятствовать;

Япония, - посчитало собрание, - выслало в край многочисленных ремесленников, которые захватили в свои руки многие ремесла. Появление же консула закрепит экономический успех японского населения и будет способствовать продолжению японской экономической экспансии;

консульство, - по мнению совещавшихся, - используя дипломатический шифр превратится в шпионское бюро;

консул сможет, считали российские власти, возбуждать японцев на совершение антигосударственных поступков. Поводов же для конфликтов русского и японского населения могли послужить уже только «Правила» рыбного лова 1899 г., ограничивающие права японских рыбодобытчиков;

японцев, подчеркивала комиссия, в действительности только 2 216 человек во Владивостоке, а в остальных частях области 1 000. Японские суда сделали в 1901 г. 69 рейсов и перевезли только 5% грузов товарооборота края. В то время как под английским флагом было перевезено 30% грузов, германским – 17%, норвежским – 12%. Так что японцы пока что не играют доминирующей роли в экономической жизни Приморья .

Следующий всплеск иностранных требований об открытии консульских учреждений в регионе начался по завершении строительства Транссибирской магистрали, еще теснее

втянувшей Западную и Восточную Сибирь в систему внутрироссийской и международной торговли.

30 ноября 1902 г. Департамент полиции МВД России обращаясь в письме к иркутскому генерал-губернатору отметил, что иностранные правительства обращаются с ходатайствами о разрешении им назначать консулов во Владивосток, Иркутск, Омск.

Сам начальник Департамента полиции был не против открытия консульств, поскольку отмечал этим «негласных иностранных агентов превратим в гласных» . В то же время генерал-губернатор был против открытия консульств в городах Сибири и предлагал открывать только торговые представительства .

Однако, после того как в Петербург обратился бельгийский посол, на возражения генерал-губернатора ему ответили из МИД России, что император не может отклонить просьбы иностранных держав по открытию консульств, и порекомендовали прекратить выражать свое мнение, противоречившее высочайшему .

Итак, 16 декабря 1907 г. в Иркутске было открыто бельгийское консульство. 23 марта 1907 г. французским коммерческим агентом в Иркутске был назначен Вильмонт .

Иркутский губернатор 30 ноября 1909 г. сообщал в канцелярию иркутского генерал-губернатора, что вследствие отношения от 7 октября за № 10299 уведомляет Канцелярию генерал-губернатора края, что неблагоприятных в политическим и нравственном отношениях сведений о французском агенте в г. Иркутске Павле Карловиче Вильмонте не имеет, причем присовокупил, что Вильмонт много лет состоял преподавателем в местных средних учебных заведениях. После этого и состоялось утверждение Вильмонта в должности .

20 марта 1908 г. в Иркутске открылось испанское консульство в главе с графом Винозой .

9 марта 1909 г. в Омске было учреждено шведское консульство, во главе которого стал консул К.Ф. Ланге, а 3 ноября 1910 г. в Красноярске было открыто вице-консульство Великобритании во главе с Горацием Иосифовичем Стосардом Сайксом .

Вышеупомянутый Сайкс по сообщению МВД Енисейской губернии проживал в Красноярске 14 лет, занимаясь поставками в край сельскохозяйственных орудий. Всего в Красноярске постоянно проживало 9 британских подданных, которые владели 2 золотопромышленными предприятиями и медным рудником. Кроме того, Красноярск поддерживал постоянное морское сообщение с Великобританией через Енисей и Карское море. В течение навигационного периода в Красноярск с торговыми целями, обычно заходило несколько кораблей и пребывало в городе «до 100-150 англичан» .

Позднее вице-консульство стало консульством. По этому вопросу между региональными и центральными властями возникли типичные противоречия. Об этом говорит циркулярное письмо из Первого департамента МВД, посланное 26 апреля 1911 г. иркутскому генерал-губернатору.

В нем подчеркивалось, что вследствие отношения от 20 февраля 1911 г. за № 11, в коем иркутским генерал-губернатором высказывалось мнение о желательности допущения в Красноярск иностранных коммерческих агентов, а не консулов, как о том ходатайствовало английское правительство, МИД России вошло по в сношения с МВД. При этом было обращено внимание статс-секретаря Столыпина на то обстоятельство, что еще в 1907 г. Императорское правительство признало возможным отказаться от существовавшего до того времени взгляда на вопрос о недопущении консульских агентов в города Сибири. Поэтому в соответствии с этим ходатайства о допущении в Омск и Иркутск консульских представителей иностранных держав были удовлетворены в свое время МИД, по предварительному сношению с местными властями. В виду этого столичные власти признали, что нет оснований не допускать иностранных консулов в Красноярск или другие города Сибири. Допуск коммерческих агентов вместо консулов, по мнению Петербурга, вопроса не решит, так как последние, как правило, присваивали полномочия консулов. МВД и МИД высказались за допущение английского представителя в Красноярск .

5 марта 1911 г. в Иркутске открылось греческое торговое представительство, а вице-консулом стал Э. Маринакис, торговец 47 лет, проживавший в Иркутске с 1900 г. Маринакис возглавлял «Общество взаимного кредита» и две торговые компании. Всего в то время в Иркутске проживало 29 греческих подданных .

2 мая 1911 г. в Томске открылось голландское консульство во главе с Р.Е. Стангом .

30 января 1912 г. в Томске было открыто германское консульство во главе с дипломатом Р. Штангом .

7 октября 1913 г. норвежским консулом в Красноярске был назначен И.М. Лид, директор торгового товарищества .

21 декабря 1912 г. шведская дипломатическая миссия в Петербурге уведомило МИД России, что она хотела бы заменить консула в Омске. На это им был дан ответ, что «если лицо не принадлежит к иудейскому вероисповеданию, то императорское правительство не встречает возражений для экзекватуры нового дипломата» .

Большую активность в деле открытия консульств на востоке России развернула Япония. На основании 15 ст. Договора о торговле и мореплавании 1907 г. они потребовали у российского МИД дать разрешение на открытие японских консульств в Иркутске, Чите, Благовещенске и Хабаровске .

Военный губернатор Забайкальской области 15 октября 1907 г. сообщал иркутскому генерал-губернатору: «В начале сентября текущего года меня посетил проездом в Иркутск, японский консул во Владивостоке М. Номура. Из объяснений с ним, я пришел к выводу, что на основании нашего торгового трактата с Японией, высочайше ратифицированного 18 июля сего года, японцы, пользуясь правами наиболее благоприятствующей нации, в скором времени, начнут благоустраиваться в Забайкальской области. Одним из японцев, проживающих ныне в Чите, доверенный упомянутого консула, недавно обратился ко мне с просьбой разрешить ему открыть в Чите справочное бюро, для своих соотечественников, в чем я ему отказал, так как открытие в России подобного рода учреждений не предусмотрено торговым трактатом с Японией. С целью возможного ослабления наплыва японцев в Забайкалье было бы настоятельно необходимо согласно ст. 15 упомянутого договора о торговле и мореплавании, признать допущение японских консульских чинов, во вверенной мне области, неподходящим, наравне с другими иностранными державами» .

Подобные суждения в отношении японских консульств высказали и другие губернаторы. Поэтому российское императорское правительство, посчитав, что после Русско-японской войны 1904-1905 гг. Япония является угрозой дальневосточным владениям России, ввело в регионе военное положение и на этом основании вплоть до Первой мировой войны отклоняло японские домогательства.

13 февраля 1915 г. МИД России информировал приамурского генерал-губернатора, что японское правительство обратилось в Петербург с просьбой об учреждении консульства в Иркутске (ранее было открыто консульство в Владивостоке и Николаевске). Иркутску было рекомендовано, в силу политических обстоятельств – Япония являлась союзником России в войне, поддержать открытие консульства. Всего в Иркутске в то время проживало японцев: 17 мужчин чернорабочих и 5 японок-чернорабочих, 32 прачки-мужчин и 9 прачек-японок, 3 японских торговца, 2 японца-набивчика папирос, 1 японский портной, фотограф, механик, два парикмахера, один офицер и 4 японки- проститутки. Всего проживало 60 японцев и 18 японок .

24 июня 1915 г. МИД России уведомил иркутского генерал-губернатора, что китайское правительство, вслед за японским, ходатайствовало о разрешении открыть генеральное консульство в Кяхте и консульства в Иркутске и Чите. МИД предполагало отклонить просьбу об учреждении консульств в Кяхте и Чите, так как в этих городах иностранных консульств не было. Что касается Иркутска, то предполагалось разрешить открыть японское и китайское консульства .

31 июля 1915 г. иркутский генерал-губернатор в письме в МИД России отмечал: «Я полагаю, что Китайское Правительство сумеет использовать в этих целях также пребывание своего представителя в Иркутске, который мог бы объединить деятельность ряда негласных агентов во всех пунктах по пути следования китайских иммигрантов и что в этих видах для Китая вообще важно свое консульство в каком-либо из городов Сибири. Кроме того, незначительность китайских коммерческих предприятий в Иркутске позволяет предположить, что роль будущего консула свелась главным образом к осведомительной деятельности. Присутствие такого рода китайского правительственного агента в административном центре Сибири особенно нежелательно при наличии многих еще далеко не урегулированных вопросов (Урянхайский). Несомненно, сведения, которые сможет доставить консульство китайскому правительству, может использоваться против нас для раздувания русофобских настроений» .

В ответ на это мнение министр иностранных дел Сазонов телеграфировал иркутскому генерал-губернатору 20 августа 1915 г. В послании говорилось: «По тройному соглашению 25 мая (1915 г.) Китайское правительство имеет право назначить своего комиссара в Ургу и помощника комиссара в Кяхту, Улясутай и Кобдо. Эти лица очевидно будут в состоянии лучше осведомлять Пекинское правительство о положении вещей в Урянхайском крае и Прикосогольском районе, чем консул в Иркутске и для противодействия укреплению там русских интересов, если китайское правительство станет на этот путь, оно воспользуется своими агентами в Монголии… С другой стороны Китайское правительство дало за последнее время доказательство желания сблизиться с нами, что в виду доброжелательного нейтралитета Китая в европейской войне и обеспечения им безопасности КВЖД, делает невозможным отказать Китаю в

учреждении консульства в Иркутске. Поэтому Вам необходимо пересмотреть свою позицию об учреждении китайского консульства в Иркутске и определить границы консульства» .

Как считал министр, отказ в учреждении консульств Китая в Сибири нежелателен, ибо «произведет на китайцев впечатление незаслуженной обиды» .

26 декабря 1915 г. китайское консульство начало свою деятельность в Иркутске, его возглавил Гуань Шан Пин, уроженец города Сучжоу, провинции Цзяньсу. При китайском посланнике Ху Вэй Ду он входил в состав китайской миссии в Петербурге, затем в Пекине занимал должность делопроизводителя Таможенного департамента, владел русским и немецким языками. С августа 1912 г. Гуань был помощником секретаря Отдела Охранных листов (Департамент Хозяйственных дел), затем начальник Отдела Официальных церемоний . Затем его сменил Вэй Во, также уроженец Цзяньсу, получивший в 1904 г. в России юридическое образование в Петербургском университете, затем в 1911 г. вернувшийся в Китай, где работал делопроизводителем китайского МИД. С августа 1917 г. он был отправлен консулом в Иркутск .

Кроме китайского в Иркутске в годы Первой мировой войны действовали и другие консульские учреждения. Так, чиновник по дипломатической части при иркутском генерал-губернаторе 4 марта 1915 г. писал в Министерство иностранных дел, что в ответ на отношение от 4 августа минувшего года за № 11129, он уведомляет Второй Департамент, что в Иркутском генерал-губернаторстве имеются следующие штатные консулы и вице-консулы. В Иркутске нештатное Бельгийское консульство, консулом был Стравинский, русский подданный. В городе также было греческое вице-консульство, которое возглавлял вице-консул Маринаки, греческий подданный. Кроме этого, в Красноярске действовало нештатное норвежское вице-консульство, которое возглавлял Лид, норвежский подданный .

Итак, региональные власти не желали предоставлять дополнительные льготы и особое юридическое положение иностранным купцам. Эта позиция региональных властей блокировала инициативы иностранных властей и предпринимателей по открытию консульских учреждений в крае. В частности, до 1907 г. на континентальной части Приамурского генерал-губернаторства иностранцы не могли открыть консульства, несмотря на то, что мнение Петербурга в этом вопросе было вполне благоприятным для иностранцев.

Только после Русско-японской войны 1904—1905 гг. было принято решение допустить открытие иностранных консульств в крае. В период с 1907 по 1915 гг. в регионе функционировало около полутора десятков консульств Японии, Германии, Италии, Греции, Дании, Китая, США, Великобритании, Франции, Австро-Венгрии и др. Стран, расположенные во Владивостоке, Иркутске, Петропавловске, Николаевске, Омске, Томске, Красноярске.

You can read completely article in the russian historic-archival magazine “The Herald of an Archivist”. Read more about terms of subscription here .

Полностью материал публикуется в российском историко-архивоведческом журнале ВЕСТНИК АРХИВИСТА. Ознакомьтесь с условиями подписки здесь .